

## Ценностные и моральные основы правового нигилизма молодежи

**Протасова И.Н.**

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (ФГБОУ ВО АГППУ имени В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: [protasovain@mail.ru](mailto:protasovain@mail.ru)

**Сычев О.А.**

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (ФГБОУ ВО АГППУ имени В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: [osn1@mail.ru](mailto:osn1@mail.ru)

**Аношкин И.В.**

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (ФГБОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского), г. Симферополь, Российская Федерация  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9569-9584>, e-mail: [iva105@mail.ru](mailto:iva105@mail.ru)

Исследование психологических истоков правового нигилизма молодежи актуально в силу его существенных негативных социальных последствий. Прошлые исследования психологических основ правового нигилизма зачастую не учитывали современных теоретических подходов (таких как теория моральных оснований Дж. Хайдта) и опирались на инструментарий с неизвестными психометрическими свойствами. В данном исследовании проверялась гипотеза о ценностных и моральных основаниях правового нигилизма молодежи. Диагностика ценностей осуществлялась с помощью опросника PVQ-R2 (Ш. Шварц и др.), моральной сферы — с помощью опросника моральных оснований MFQ-Ru (О.А. Сычев и др.). Для диагностики правового нигилизма был составлен опросник, включающий две шкалы, характеризующие неверие в закон как мировоззренческую позицию (идеологический правовой нигилизм) и недоверие к правоохранительной системе как отражение правоприменительной практики (прагматический правовой нигилизм). Оправданность разведения этих конструктов в структуре правового нигилизма, несмотря на их тесную корреляцию, была показана с помощью конфирматорного факторного анализа. На выборке из 283 студентов было установлено, что правовой нигилизм в его разных аспектах поддерживают ценности открытости изменениям, включающие самостоятельность мысли и действий, гедонизм и поиск стимуляции, в то время как ценности сохранения, включающие безопасность, традицию и конформизм, ему противостоят. С помощью структурного линейного моделирования показано, что вера в закон поддерживается этикой автономии, а доверие правоохранительной системе — этикой сообщества. Результаты уточняют

полученные ранее выводы о связи правового нигилизма с ценностями и дополняют представления о роли морали как основы правосознания.

**Ключевые слова:** правовое сознание, правовой нигилизм, моральные основания, ценности.

**Финансирование:** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00119 «Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи».

**Для цитаты:** *Протасова И.Н., Сычев О.А., Аношкин И.В.* Ценностные и моральные основы правового нигилизма молодежи [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 158–173. DOI:10.17759/psylaw.2020100311

## Values-related and Moral Foundations of legal Nihilism of Youth

### *Irina N. Protasova*

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia,  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: [protasovain@mail.ru](mailto:protasovain@mail.ru)

### *Oleg A. Sychev*

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia,  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: [osn1@mail.ru](mailto:osn1@mail.ru)

### *Igor V. Anoshkin*

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9569-9584>, e-mail: [iva105@mail.ru](mailto:iva105@mail.ru)

Researching the psychological causes of legal nihilism in young people is urgent nowadays due to the considerable negative effect which this problem has on the society. Previous studies of psychological causes of legal nihilism often didn't take into account contemporary theoretical approaches (such as Moral Foundations Theory by J. Haidt) and relied on tools with unknown psychometric characteristics. The current research checked the hypothesis of values-related and moral foundations of legal nihilism in young people. Values were diagnosed with PVQ-R2 Questionnaire (S.Schwartz et al.), moral sphere - with Moral Foundations Questionnaire MFQ-Ru (O.A.Sychev et al.). In order to diagnose legal nihilism, a questionnaire was made which includes two scales characterizing disbelief in the law either as a generalized attitude (ideological legal nihilism) or disbelief in the law enforcement system as a result of enforcement practices (pragmatic legal nihilism). By the use of the confirmatory factor analysis it was shown that the separation of these constructs within the structure of legal nihilism (despite their strong correlation) was justified. Based on a sample of 283 students we established that legal nihilism in its different aspects is supported by the values of openness to changes, including independence of thought and conduct, hedonism and seeking

stimulation, whereas it is opposed by the conservative values, including safety, tradition and conformism. Using structured linear modeling it was shown that belief in the rule of law is supported by autonomy ethics whereas trust in the law enforcement system is supported by community ethics. The results refine the conclusions previously drawn about the relationship between legal nihilism and values and add to the idea about morals as the basis of legal consciousness.

**Keywords:** legal consciousness, legal awareness, legal nihilism, moral foundations, values.

**Funding:** This work was supported by grant RFBR № 18-013-00119 «Values and moral foundations as a basis for social world view of youth».

**For citation:** Protasova I.N, Sychev O.A., Anoshkin I.V. Values-related and Moral Foundations of legal Nihilism of Youth. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 158–173. DOI:10.17759/psylaw.2020100311 (In Russ.).

Правовые взаимодействия людей представляют собой часть системы социальных взаимодействий, и правовое сознание является важным компонентом социального мировоззрения. С психологической стороны в правовом сознании рассматривались его структура, функции, динамика, деформации [1; 4; 5]. Негативное отношение к праву принято обозначать термином правовой нигилизм. Актуальность проблемы правового нигилизма граждан для российской государственности отмечалась многими исследователями [4; 5; 9; 12; 19]. Этнокультурная специфика негативного отношения россиян к законности и правопорядку связывалась с культурно-историческим типом русского народа [9], спецификой истории российской государственности и антиправовым морализмом как характерной чертой общественной мысли [19]. Снижение уровня правовой культуры и обострение в России проблемы правового нигилизма рассматривались как результат общественно-политических изменений в конце XX в. [4; 5; 12]. Остроту проблемы правового нигилизма в условиях российского общества показали результаты психологических исследований, демонстрирующие беспрецедентное в сравнении с зарубежными данными количество (около 70%) респондентов без уважения относящихся к законам и отрицающих их ценность по разным основаниям [15], а также утрату принципиальной особенности отечественного правосознания, выражающейся в опоре на нравственные принципы [2].

Правовой нигилизм как сложное социальное явление рассматривался в его разнообразных проявлениях и аспектах: философских, культурологических, исторических, социологических, психологических. Среди множества определений правового нигилизма, наиболее обобщенным можно считать определение Н.И. Матузова, характеризовавшего его как одну из форм мироощущения и социального поведения, сущностью которой является общее негативно-отрицательное, неуважительное отношение к праву и законам [12]. Правовой нигилизм рассматривался как самый низкий уровень развития правового сознания [121], как крайний полюс в ряду других видов негативного отношения к праву [1], как одна из деформаций правосознания [14], как проявление девиантного и деструктивного поведения в различных формах (нигилизм инфантильный, фрустрационный, мстительный, возмещающий, регрессивный) [6]. Содержательная неопределенность понятия правового нигилизма сказалась и на диагностическом уровне. В русскоязычных методиках шкалы

правового (либо нормативного) нигилизма включали в состав методик для диагностики видов правового сознания [1] и экстремизма [7]. Содержание этих и подобных им шкал [14] не вполне отражает сложную структуру правового нигилизма, сужая или расширяя это понятие, а их описание обычно не содержит полных психометрических сведений относительно надежности и валидности.

В современных исследованиях правового нигилизма обсуждался вопрос о его структуре. К структурообразующим компонентам предлагалось относить идеи, отрицающие легитимные социальные установки [6]. Об антиправовом морализме, как идеологии представляющей право второстепенным и низжестоящим по отношению к нравственности, говорил В.А. Туманов [19]. В эмпирических исследованиях показана необходимость при оценке нигилизма учитывать отношение к результату правоприменительной практики — правопорядку, представленному деятельностью государственных органов [13]. Примером структурного выделения на диагностическом уровне проявлений правового нигилизма является опросник Д. Мартина и Д. Макконела, в котором его показателями служили низкие оценки по шкалам: «Признание закона», «Необходимость закона», «Коррупционность правоохранителей», «Добросовестность правоохранителей», «Точность принятия судебных решений» [24]. Структура опросника соотносима с современными представлениями о структуре правового сознания, в котором принято выделять компоненты (тематические области), выступающие объектом правовых установок (аттитюдов): в отношении закона и сотрудников правовых институтов, преступлений, преступников и наказаний [5]. Обобщение этих данных о структуре правового нигилизма позволяет выделить два его аспекта: идеологический — негативное отношение к праву как социальному институту и прагматический — негативное отношение к реализации закона на практике (правоприменению) правоохранительными структурами.

Для определения психологических факторов отношения к праву Д.С. Безносковым было выполнено исследование различных видов такого отношения в его связи с личностными особенностями, базовыми убеждениями и ценностями [1], позволившее выявить ценностные ориентации, составляющие основу различных видов правового сознания, в том числе и негативного характера. В своем исследовании Д.С. Безносков опирался на теорию базовых ценностей Ш. Шварца (один из наиболее авторитетных теоретических подходов в этой области); вместе с тем его выводы нуждаются в проверке, поскольку диагностика отношения к праву осуществлялась с помощью авторской методики с неустановленной надежностью и валидностью.

Представление о нравственных ориентирах, понятиях о добре, зле и справедливости как основе формирования правовых взглядов выглядит настолько очевидным, что без доказательств упоминается в учебниках [например: 3], хотя на самом деле их взаимосвязь, не будучи столь однозначной, представляет существенный научный интерес. Исследования связи правового сознания и моральной сферы с использованием подхода Дж.Л. Тапп, основанного на теории морального развития Л. Колберга [25], показали, что эволюция морального сознания далеко не всегда приводит к росту правопослушности [2; 4; 15] и на разных уровнях морального развития обнаруживаются различные основания для нарушения закона, связанные с типами отношения к государству как носителю законности [4; 15]. В категориальный аппарат модели развития правового сознания Дж.Л. Тапп и Л. Колберга не включается понятие правового нигилизма, который представлен, скорее, содержательным описанием негативного отношения к институту права в форме различных типов отчуждения

от закона, поэтому выводы лишь косвенно свидетельствуют о связях правового нигилизма с моралью. Помимо этого, исследователи отмечали сложности соотнесения полученных результатов с моделью развития правового сознания Дж.Л. Тапп и Л. Колберга, связанные с ее возможной неполнотой [2; 4]. Стадиальная теория морального развития Л. Колберга, положенная в основу подхода Дж.Л. Тапп, в настоящее время подвергается критике [8].

В исследованиях морали растет популярность социально-интуитивистской теории моральных оснований Дж. Хайдта [20], неоднократно описанной в русскоязычных публикациях [8; 10; 17; 18]. Согласно теории моральных оснований, базовыми структурными элементами морали (ее основаниями, присутствующими в различных культурах) являются моральные «интуиции», эволюционно закрепленные в психике человека, составляющие основу для сознательных моральных суждений и проявляющиеся в выраженной эмоциональной реакции в отношении социальных объектов, возникающей мгновенно и спонтанно без подкрепления рациональными оценками.

На основе теоретического анализа и обобщения эмпирических данных авторами теории были описаны пять моральных оснований: забота, справедливость, лояльность группе/обществу, уважение авторитетов/власти, чистота/почитание святынь. Они образуют две категории: индивидуализирующие моральные основания (или этика автономии), включающие заботу и справедливость; и сплачивающие моральные основания (или этика сообщества), включающие лояльность, уважение и чистоту. Если первая категория моральных оснований охватывает преимущественно нормы, регулирующие индивидуальные отношения, то вторая в основном содержит нормы, регулирующие отношения человека с обществом в целом. Несмотря на распространенность теории моральных оснований в социально-психологических исследованиях, нам не удалось обнаружить сведений о ее применении для анализа моральных основ правового сознания.

Хотя ценностные и моральные основы правового сознания и правового нигилизма уже много лет привлекают внимание психологов, большая часть исследований в этой области зачастую основывалась на устаревших теоретических подходах к изучению морали и опиралась на методический инструментарий с неустановленной надежностью и валидностью.

### **Цель и гипотезы**

Целью данного исследования стал анализ ценностных и моральных факторов правового нигилизма молодежи. В результате теоретического анализа было сформулировано предположение о том, что ценностную основу правового нигилизма составляет высокая ценность открытости изменениям и несогласие с консервативными ценностями (ценностями сохранения). Моральной основой правового нигилизма является относительно низкий уровень принятия моральных устоев. Мы предполагали также, что правовой нигилизм имеет сложную структуру, включающую идеологический и прагматический компоненты, связь которых с ценностями и моральными основаниями отличается качественным своеобразием. Одной из задач данного исследования стала разработка надежной методики диагностики правового нигилизма, позволяющей выявить его идеологический и прагматический аспекты.

## Выборка и методы исследования

В исследовании приняли участие 283 студента 1—3-го курсов БТИ АлтГТУ имени И.И. Ползунова и КФУ имени Вернадского, среди них 36% мужчин. Возраст варьировался от 18 до 40 лет ( $M = 23,08$ ;  $SD = 2,92$ ).

Для решения задач исследования был разработан опросник, основой которого стал тест «Правовой нигилизм» Д. Мартина и Д. Макконелла, представляющий интерес в связи с выделением в нем структурных элементов правового нигилизма [24]. Необходимость создания нового опросника была обусловлена слабой разработанностью инструментария диагностики правового нигилизма. Поскольку в утверждениях теста Д. Мартина и Д. Макконелла отражены реалии правовой системы США, нами была разработана новая методика на базе этого опросника вместо его адаптации. Шкалы теста отражают отношение к праву как социальному институту (признание ценности законов и их необходимости для взаимодействия людей) и отношение к реализации закона на практике (правоприменению) правоохранительными структурами.

В соответствии с моделью правосознания О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик [5] для формулировки утверждений было составлено описание негативных правовых установок в соответствующих тематических областях. С учетом этой модели и составленных описаний из теста Д. Мартина, Д. Макконелла [24] были отобраны утверждения, содержащие идеологические (отношение к праву как социальному институту) и прагматические (отношение к правоприменительной практике) аспекты оценки правовых взаимодействий. Утверждения были переформулированы так, что в итоге они стали более обобщенными, лаконичными и безличными (текст см. в табл. 1).

Полученный в результате опросник «Правовой нигилизм» состоит из 10 пунктов, образующих две шкалы: Шкала «Идеологический правовой нигилизм» характеризует отношение к закону как таковому; шкала «Прагматический правовой нигилизм» — отношение к правоохранительной системе и ее представителям. В соответствии с инструкцией испытуемые должны были оценить меру согласия с каждым пунктом, используя следующую шкалу ответов: 1 — абсолютно не согласен; 2 — скорее не согласен; 3 — и да, и нет; 4 — скорее согласен; 5 — полностью согласен. Анализ надежности и факторной структуры нового опросника представлен далее.

Диагностика ценностей проводилась с помощью портретного ценностного опросника Ш. Шварца (PVQ-R2), основанного на его уточненной теории базовых ценностей. Эта методика позволяет измерить значимость 19 базовых ценностей [20] с помощью шкал, включающих по три утверждения. На основе 19 первичных ценностных шкал вычисляются вторичные показатели, характеризующие четыре ценностных блока: самоутверждение, самопреодоление, открытость изменениям, сохранение. Для упрощения анализа нами использовались показатели по обобщенным ценностным блокам.

Для диагностики моральной сферы использовался опросник моральных оснований Дж. Грэхема и др. [23] в адаптации О.А. Сычева, И.Н. Протасовой и К.И. Белоусова [18]. Опросник состоит из двух частей по 15 заданий, образующих пять шкал первого уровня, соответствующих моральным основаниям: «Забота», «Справедливость», «Лояльность», «Уважение», «Чистота». При обработке результатов подсчитываются средние баллы для каждого испытуемого по шкалам первого уровня, а также средние показатели по шкалам второго уровня: этики автономии и этики сообщества. Коэффициенты надежности ( $\alpha$

Кронбаха) приведены в табл. 2.

В ходе статистического анализа данных использовались программы Jamovi 1.0.1 и Mplus 7.

## Результаты

Для исследования факторной структуры предложенного опросника правового нигилизма был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) с использованием метода минимальных остатков и облического вращения «Облимин» (табл. 1). О пригодности наших данных для ЭФА свидетельствуют значения соответствующих критериев (Критерий Бартлетта  $\chi^2(45) = 579; p < 0,001$ ; КМО = 0,847).

Таблица 1

### Результаты эксплораторного факторного анализа опросника правового нигилизма

№ пункта и его содержание	Фактор 1	Фактор 2
1. Во многих случаях гораздо лучше обходиться без обращения к закону	<b>0,46</b>	0,02
3. Человек может нарушить закон и быть прав, если люди его не осуждают	<b>0,46</b>	-0,12
5. Любой закон — прежде всего насилие над личностью	<b>0,53</b>	0,04
7. Нет смысла соблюдать такой закон, который многими нарушается	<b>0,63</b>	-0,06
9. Во многих сложных ситуациях обращение к закону принесет только вред	<b>0,54</b>	0,26
2. Закон служит богатым и сильным, а не бедным и слабым	-0,09	<b>0,60</b>
4. Исход дела в суде больше зависит от связей обвиняемого, чем от его виновности	0,05	<b>0,69</b>
6. Людям с высоким положением и материальным достатком суд не страшен	0,02	<b>0,68</b>
8. Для полиции важнее отчетность, а не поиск виновного	0,21	<b>0,46</b>
10. Судьи обычно делают все возможное для торжества справедливости	0,08	<b>-0,44</b>

Примечание: факторные нагрузки, превышающие 0,40, выделены жирным шрифтом.

Результаты проведенного анализа говорят о наличии в структуре опросника двух факторов, соответствующих шкалам идеологического и прагматического правового нигилизма. Корреляция между выделенными факторами составила 0,81. Далее, для подтверждения факторной структуры опросника был выполнен конфирматорный факторный анализ (КФА). Структурная модель опросника включала два латентных фактора, соответствующих указанным выше шкалам, допускалась корреляция между факторами (рис. 1). Оценка этой модели с помощью робастного алгоритма MLR показала ее отличное соответствие данным:  $\chi^2 = 44,31; df = 34; p = 0,11; CFI = 0,976; TLI = 0,969; RMSEA = 0,033$ ; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,000-0,057; PCLOSE = 0,863;  $N = 283$ .

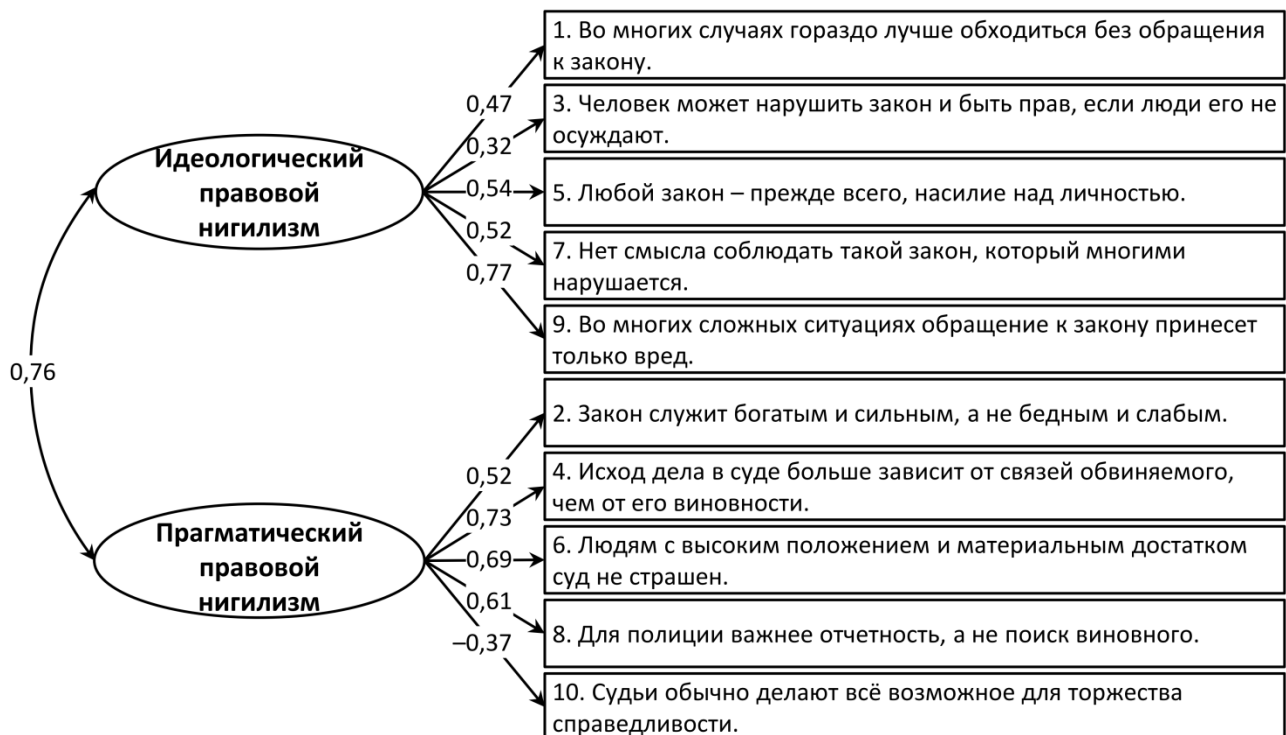


Рис. 1. Структурная модель опросника правового нигилизма (все приведенные стандартизованные коэффициенты статистически значимы при  $p < 0,05$ )

Итак, двухфакторная структура опросника полностью подтвердилась результатами КФА. Анализ надежности показал хорошую внутреннюю согласованность обеих шкал (см. коэффициенты  $\alpha$  Кронбаха в табл. 2). Оценка внешней валидности представляется проблематичной ввиду отсутствия аналогичных методик с уже доказанной валидностью и надежностью. Тем не менее, представленные далее результаты анализа могут свидетельствовать в пользу конструктивной валидности шкал.

Для проверки гипотез о связи правового нигилизма молодежи с ценностями были вычислены коэффициенты корреляции между шкалами методики PVQ-R2 и опросника правового нигилизма (табл. 2).

Таблица 2

**Корреляции показателей правового нигилизма и базовых ценностей**

Показатели	1	2	3	4	5	6
1. Идеологический правовой нигилизм	—					
2. Прагматический правовой нигилизм	0,67***	—				
3. Самопреодоление	-0,14*	0,01	—			
4. Самоутверждение	0,13*	0,10	-0,69***	—		
5. Открытость изменениям	0,16**	0,21**	-0,18**	0,11	—	
6. Сохранение	-0,15*	-	0,09	-	-	—



		0,26***		0,45***	0,71***	
Надежность ( $\alpha$ Кронбаха)	0,70	0,73	0,86	0,84	0,78	0,83

Примечание: Значимость коэффициентов: «\*» —  $p < 0,05$ ; «\*\*» —  $p < 0,01$ ; «\*\*\*» —  $p < 0,001$ .

Полученные корреляции свидетельствуют о том, что идеологический правовой нигилизм поддерживается ценностями открытости изменениям и самоутверждения, но при этом противостоит ценностям самопреодоления и сохранения. Прагматический правовой нигилизм показал прямую связь с ценностями открытости изменениям и обратную — с ценностями сохранения.

Для проверки гипотез о связи правового нигилизма молодежи с моральными основаниями были вычислены коэффициенты корреляции между шкалами методики MFQ-Ru и опросника правового нигилизма (табл. 3).

Таблица 3

**Корреляции показателей правового нигилизма и моральных оснований**

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Идеологический правовой нигилизм	—								
2. Прагматический правовой нигилизм	0,67** *	—							
3. Забота	-0,22** *	-0,02	—						
4. Справедливость	-0,16**	0,04	0,71** *	—					
5. Лояльность	-0,05	-0,10	0,39** *	0,40** *	—				
6. Уважение	-0,19**	-0,30** *	0,28** *	0,21** *	0,63** *	—			
7. Чистота	-0,17**	-0,10	0,56** *	0,54** *	0,52** *	0,55** *	—		
8. Этика автономии	-0,20** *	0,01	0,93** *	0,92** *	0,43** *	0,27** *	0,60** *	—	
9. Этика сообщества	-0,16**	-0,21**	0,48** *	0,45** *	0,85** *	0,87** *	0,81** *	0,50** *	—
Надежность ( $\alpha$ Кронбаха)	0,70	0,73	0,69	0,69	0,67	0,69	0,68	0,82	0,84

Примечание: Значимость коэффициентов: «\*» —  $p < 0,05$ ; «\*\*» —  $p < 0,01$ ; «\*\*\*» —  $p < 0,001$ .

Из приведенных в табл. 3 корреляций следует, что идеологический правовой нигилизм обратно связан как со шкалами этики автономии (заботой и справедливостью), так и со

шкалами этики сообщества (уважением и чистотой). При этом прагматический правовой нигилизм показал статистически значимую обратную связь только с одной шкалой — уважением. Этим данным соответствуют также корреляции показателей правового нигилизма с обобщенными шкалами: идеологический правовой нигилизм показал обратную связь, как с этикой автономии, так и с этикой сообщества, в то время как прагматический правовой нигилизм — только с этикой сообщества.

Ввиду тесной взаимосвязи шкал внутри опросников MFQ и опросника правового нигилизма парные коэффициенты корреляции могут сформировать неточное представление об отношениях между различными аспектами моральной сферы и правового сознания. Для анализа целостной системы связей была разработана структурная модель, в которой, в соответствии с гипотезой моральные основания выступали в качестве предикторов правового нигилизма. В частности, модель включала два фактора моральных оснований: этику автономии и этику сообщества, а также два фактора правового нигилизма, соответствующих шкалам опросника.

Предварительная оценка этой модели с использованием индексов модификации показала, что шкала чистоты из опросника MFQ-Ru показывает значимую нагрузку не только на фактор этики сообщества, но и на фактор этики автономии — соответствующая нагрузка была добавлена в модель. Кроме того, пути от этики автономии к фактору «прагматический правовой нигилизм», а также от этики сообщества к фактору «идеологический правовой нигилизм» оказались незначимы и были исключены из модели. Итоговая модель, представленная на рис. 2, показала хорошее соответствие данным:  $\chi^2 = 139,45$ ;  $df = 85$ ;  $p < 0,001$ ;  $CFI = 0,947$ ;  $TLI = 0,934$ ;  $RMSEA = 0,048$ ; 90%-ный доверительный интервал для  $RMSEA$ : 0,033-0,061;  $PCLOSE = 0,595$ ;  $N = 283$ .

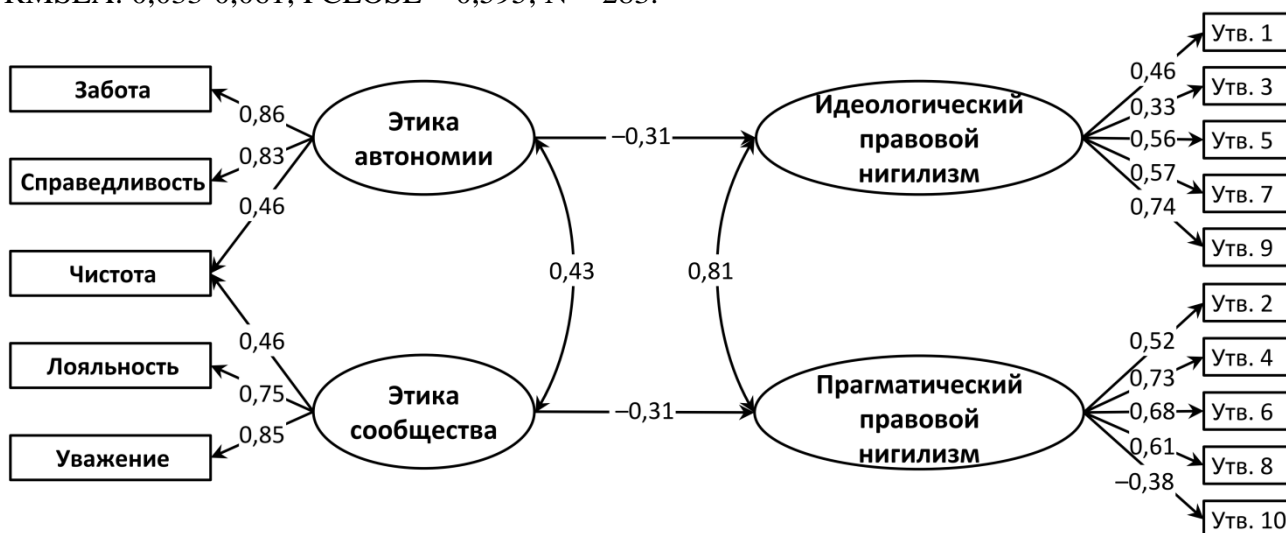


Рис. 2. Структурная модель связей правового нигилизма и моральных оснований (все приведенные стандартизованные коэффициенты статистически значимы при  $p < 0,05$ )

Отрицательные регрессионные коэффициенты путей от этики автономии и этики сообщества к показателям правового нигилизма позволяют сделать вывод о том, что высокая ценность этики автономии сочетается с меньшей склонностью к идеологическому правовому нигилизму, в то время как одобрение этики сообщества сочетается с меньшей склонностью к прагматическому правовому нигилизму.

### **Обсуждение результатов**

В соответствии с предположением о неоднородной структуре правового нигилизма, включающей, как минимум, идеологический и прагматический аспекты, в данном исследовании была разработана методика «Правовой нигилизм». Соответствующие этим аспектам шкалы методики показали достаточно хорошую внутреннюю согласованность, при этом факторная структура методики была подтверждена средствами КФА. Несмотря на довольно тесную связь между идеологическим и прагматическим аспектами правового нигилизма, полученные данные свидетельствуют о целесообразности их разведения. Этот вывод согласуется с ранее высказанными предположениями о сложной структуре правового нигилизма [6; 24].

Результаты анализа ценностных основ правового нигилизма позволяют сделать вывод о том, что, в целом, правовой нигилизм поддерживается ценностями открытости изменениям, включающими самостоятельность мысли и действий, гедонизма и поиска стимуляции, в то время как ценности сохранения, включающие безопасность, традицию и конформизм, ему противостоят. Этот вывод хорошо согласуется с полученными Д.С. Безносковым результатами, свидетельствующими о связи различных видов негативного отношения к праву с ценностями [1]. Наши результаты также подкрепляют и дополняют полученные ранее выводы о наличии индивидуально-психологических основ усвоения правовых представлений и правосознательного поведения, среди которых, в частности, была выделена обратная связь поиска разнообразия и перемен (противоположного спланивающим моральным основаниям с присущим им уважением традиций и стремлением к сохранению) с правосознательным поведением [16].

Как и в нашем исследовании, правовой скептицизм в работе Д.С. Безносова показал связь с отвержением консервативных ценностей (социальной нормативности и порядка) в сочетании с высокой ценностью самостоятельности, независимости. Правовой цинизм в его исследовании, аналогично нашим результатам, был связан с высокой оценкой ценностей гедонизма и влияния. При этом правовой нигилизм, согласно выводам Д.С. Безносова, сочетается с отрицанием значимых ценностей [1]. Наши выводы также согласуются с результатами исследования личностных профилей осужденных за терроризм и экстремизм [10], в котором было выделено характерное для подобных преступников выраженное презрение к общественным нормам, обычаям и традициям и, кроме этого, зачастую неспособность учитывать опыт, даже приобретенный в результате наказания.

Анализ связи правового нигилизма с особенностями моральной сферы подтвердил предположение о том, что правовой нигилизм в любой его форме (идеологической или прагматической) сочетается с «нравственным дефицитом», проявляющемся в относительно низком принятии моральных устоев. Тем не менее, уже в результатах корреляционного анализа проявилась некоторая специфика связей разных компонентов правового нигилизма с разными моральными основаниями. Результаты структурного моделирования ярко продемонстрировали, что этика автономии, включающая нормы заботы и справедливости, противостоит лишь идеологическому правовому нигилизму, но никак не связана с прагматическим нигилизмом. При этом прагматическому правовому нигилизму противостоят моральные нормы этики сообщества (лояльности группе/обществу, уважение авторитетов и власти, чистота и почитание святых). Иными словами, вера в закон

поддерживается этикой автономии, а доверие правоохранительной системе — этикой сообщества.

Полученные выводы представляются закономерными, если вспомнить о том, что этика автономии касается регуляции индивидуальных отношений между людьми с целью обеспечения их прав, в то время как этика сообщества включает нормы, регулирующие отношения человека и общества, направленные, в основном, на защиту общественных интересов. Закон как абстрактный принцип, гарантирующий соблюдение прав каждого человека, представляется созвучным в своем предназначении нормам этики автономии, так как именно закон защищает человека и позволяет отстаивать его права. Неудивительно, что люди, высоко оценивающие значимость норм заботы и справедливости, демонстрируют также веру в закон. Этика сообщества, напротив, в большей мере сконцентрирована вокруг защиты общественных интересов и опирается на нормы уважения авторитетов/власти и лояльности группе/обществу. Лица, которые высоко оценивают значение норм лояльности и уважения, очевидно, разделяют эти нормы, а поэтому они в большей мере доверяют правоохранительной системе, как системе государственных органов, реализующих власть. Полученные выводы проливают свет на относительно новый аспект теории моральных оснований — роль моральных оснований в правосознании. Кроме того, полученные результаты имеют практическую значимость, объясняя возможный позитивный эффект нравственного воспитания в становлении правосознания.

### **Литература**

1. Безносов Д.С. Социально-психологический анализ отношения личности к праву // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 36—46.
2. Борисова Н.В. Особенности моральной и правовой социализации молодого поколения россиян // Личность в изменяющихся социальных условиях. Красноярск, 25—26 октября 2017 года. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т имени В.П. Астафьева, 2017. С. 19—24.
3. Власов В.И. Теория государства и права. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 365 с.
4. Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 16—23.
5. Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Правосознание и правовая социализация: аналитический обзор. М.: Международное общество имени Л.С. Выготского, 2003. 270 с.
6. Гуляихин В.Н. Психосоциальные формы правового нигилизма человека // Юридические исследования. 2012. № 3. С. 108—148. doi: 10.7256/2305-9699.2012.3.240
7. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностика диспозиции насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78—97.
8. Заикин В.А. Моральное функционирование: социально-психологический подход. Социально-интуитивистская теория Дж. Хайдта // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 32—38. doi: 10.11621/npj.2017.0104
9. Ильин И.С. Проблема негативного отношения к праву в России // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. № 1. С. 345—351.
10. Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 141—157. doi:10.17759/psyLaw.2019090311. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n3/109355.shtml> (дата обращения: 17.03.2020).

11. Козлова М.А., Козлов А.И. Истоки морали, ориентированной на индивида и группу: социально-психологический и естественнонаучный аспекты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 60—70.
12. Матузов Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Правовая культура. 2013. № 1. С. 8—18.
13. Монаков В.В. Тенденции развития правового нигилизма в среде российской молодежи (по результатам социологического исследования) // Интеграция образования. 2013. № 1. С. 77—81.
14. Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности: учеб. пособие. Правовое сознание личности. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2013. 84 с.
15. Николаева О.П. Исследование этнопсихологических различий морально-правовых суждений // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4. С. 79—88.
16. Носс И.Н., Булыгина В.Г., Кабанова Т.Н. Зависимость правосознания от индивидуально-психологических особенностей государственных служащих [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 33—48. doi:10.17759/psylaw.2019090403. URL: [https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n4/Noss\\_Bulygina\\_Kabanova\\_full.shtml](https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n4/Noss_Bulygina_Kabanova_full.shtml) (дата обращения: 17.03.2020).
17. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков / О.А. Сычев, А.М. Беспалов, М.М. Прудникова, М.С. Власов // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85—96. doi: 10.17759/chp.2016120109.
18. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88—115. doi: 10.21702/rpj.2018.3.5.
19. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52—58.
20. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43—70.
21. Ясюкова Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2000. № 4. С. 1—13.
22. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // Psychological Review. 2001. Vol. 108(4). P. 814—834. doi: 10.1037/0033-295X.108.4.814
23. Mapping the Moral Domain / J. Graham, B.A. Nosek, J. Haidt, R. Iyer, S. Koleva, P.H. Ditto // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. P. 366—385. doi: 10.1037/a0021847
24. Martin J.D., McConnell J.P. Black militant ideology and the law. Some Indications from a Questionnaire Study // Criminology. 1972. Vol. 10(1). P. 111—116. doi: 10.1111/j.1745-9125.1972.tb00547.x
25. Tapp J.L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice // Journal of Social Issues. 1971. Vol. 27(2). P. 65—91. doi: 10.1111/j.1540-4560.1971.tb00654.x

## References

1. Beznosov D.S. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz otnosheniya lichnosti k pravu [Socio-psychological analysis of person's attitude to law]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2013, vol. 34, no. 4, pp. 36—46. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Borisova N.V. Osobennosti moral'noi i pravovoi sotsializatsii molodogo pokoleniya rossiiyan [Features moral and legal socialization of the younger generation of russians]. *Lichnost' v izmenyayushchikhsya sotsial'nykh usloviyakh [Personality in changing circumstances]*. Krasnoyarsk, 25—26 oktyabrya 2017 goda. Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2017, pp. 19—24. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Vlasov V.I. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of the state and law]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2002. 365 p.
4. Volovikova M.I. Nravstvenno-pravovye predstavleniya v rossiiskom mentalitete [Moral and legal ideas in russian mentality]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2004, vol. 25, no. 5, pp. 16—23. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Gulevich O.A., Golynchik E.O. Pravosoznanie i pravovaya sotsializatsiya. Analiticheskii obzor [Legal awareness and legal socialization. The analytical survey]. M.: Mezhdunarodnoe obshchestvo im. L.S. Vygotskogo, 2003. 270 p.
6. Gulyaikhin V.N. Psikhosotsial'nye formy pravovogo nigilizma cheloveka [Psychosocial forms of legal nihilism]. *Yuridicheskie issledovaniya [Legal studies]*, 2012, no. 3, pp. 108—148. doi: 10.7256/2305-9699.2012.3.240. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Davydov D.G., Khlomov K.D. Metodika diagnostika dispozitsii nasil'stvennogo ekstremizma [Diagnostics of Dispositions of Violent Extremism]. *Psikhologicheskaya diagnostika [Psychological Diagnostics]*, 2017, vol 14, no. 1, pp. 78—97. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Zaikin V.A. Moral'noe funktsionirovanie: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod. Sotsial'no-intuitivistskaya teoriya Dzh. Khaidta [Moral functioning: Socio-psychological approach. Social-intuitivist theory by J. Haidt]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*, 2017, no. 1 (25), pp. 32—38. doi: 10.11621/npj.2017.0104. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Il'in I.S. Problema negativnogo otnosheniya k pravu v Rossii [The problem of negative attitude towards law in Russia]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo [Personality. Culture. Society]*, 2009, vol. 11, no. 1, pp. 345—351.
10. Kazberov P.N., Bovin B.G., Fasolya A.A. Psikhologicheskii profil' terrorista [Elektronnyi resurs] [Terrorist's Psychological Profile]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141—157. doi:10.17759/psylaw.2019090311. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n3/109355.shtml> (Accessed 17.03.2020) (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Kozlova M.A., Kozlov A.I. Istoki morali, orientirovannoi na individa i gruppu: sotsial'no-psikhologicheskii i estestvenno-nauchnyi aspekty [The origins of individual-oriented and group-oriented morality: social-psychological and scientific aspects]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2016, vol. 37, no. 3, pp. 60—70. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Matuzov N.I. Pravovoi idealizm kak oborotnaya storona pravovogo nigilizma [Legal idealism as a reverse side of legal nihilism]. *Pravovaya kul'tura [Legal Culture]*, 2013, no. 1, pp. 8—18. (In Russ., abstr. in Engl.).

13. Monakov V.V. Tendentsii razvitiya pravovogo nigilizma v srede rossiiskoi molodezhi (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Tendencies to Legal Negativism Among Russian Young People (based on results of a sociological survey)]. *Integratsiya obrazovaniya [Integration of Education]*, 2013, no. 1, pp. 77–81. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Muslumov R.R. Pravovoe soznanie lichnosti [Legal awareness of personality]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural, un-ta, 2013. 84 p.
15. Nikolaeva O.P. Issledovanie etnopsikhologicheskikh razlichii moral'no-pravovykh suzhenii [The study of ethnopsychological differences in moral judgments]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 1995, vol. 16, no. 4, pp. 79–88. (In Russ., abstr. in Engl.)
16. Noss I.N., Bulygina V.G., Kabanova T.N. Zavisimost' pravosoznaniya ot individual'no-psikhologicheskikh osobennostei gosudarstvennykh sluzhashchikh [Elektronnyi resurs] [Dependence of Legal Awareness on the Individual Psychological Characteristics of Public Officers]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 33–48. doi:10.17759/psyandlaw.2019090403. URL: [https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n4/Noss\\_Bulygina\\_Kabanova\\_full.shtml](https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n4/Noss_Bulygina_Kabanova_full.shtml) (Accessed 17.03.2020) (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Sychev O.A., Bespalov A.M., Prudnikova M.M., Vlasov M.S. Osobennosti moral'nykh osnovanii u mongol'skikh, nemetskikh i rossiiskikh podrostkov [Features of Moral Foundations in Mongol, German and Russian Adolescents]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 85–96. doi: 10.17759/chp.2016120109 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I. Diagnostika moral'nykh osnovanii: aprobatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika MFQ [Diagnosing moral foundations: Testing of the Russian version of the Moral Foundations Questionnaire]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 88–115. doi: 10.21702/rpj.2018.3.5 (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Tumanov V.A. Pravovoi nigilizm v istoriko-ideologicheskoy raketse [Legal nihilism in historical-ideological perspective]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 1993, no. 8, pp. 52–58. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primenenie v Rossii [Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*, 2012, vol. 9, no. 2, pp. 43–70. (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Yasyukova L.A. Pravosoznanie: diagnostika i zakonomernosti razvitiya [Legal awareness: Diagnostics and patterns of development]. *Prikladnaya psikhologiya [Applied psychology]*, 2000, no. 4, pp. 1–13. (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, vol. 101, pp. 366–385. doi: 10.1037/a0021847.
23. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological review*, 2001, vol. 108, no. 4, pp. 814–834. doi: 10.1037/0033-295X.108.4.814.
24. Martin J.D., McConnell J.P. Black militant ideology and the law. *Some Indications from a Questionnaire Study*. *Criminology*, 1972, vol. 10, no. 1, pp. 111–116. doi: 10.1111/j.1745-9125.1972.tb00547.x.

Протасова И.Н., Сычев О.А., Аношкин И.В.  
Ценностные и моральные основы правового  
нигилизма молодежи  
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 158–173.

Protasova I.N, Sychev O.A., Anoshkin I.V.  
Values-related and Moral Foundations  
of legal Nihilism of Youth  
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 158–173.

25. Tapp J.L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice. *Journal of social issues*, 1971, vol. 27, no. 2, pp. 65—91. doi: 10.1111/j.1540-4560.1971.tb00654.x.

### **Информация об авторах**

*Протасова Ирина Николаевна*, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (ФГБОУ ВО АГГПУ имени В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: [protasovain@mail.ru](mailto:protasovain@mail.ru)

*Сычев Олег Анатольевич*, кандидат психологических наук, научный сотрудник Управления научно-исследовательской деятельности, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (ФГБОУ ВО АГГПУ имени В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: [osn1@mail.ru](mailto:osn1@mail.ru)

*Аношкин Игорь Владимирович*, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (ФГБОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского), г. Симферополь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9569-9584>, e-mail: [iva105@mail.ru](mailto:iva105@mail.ru)

### **Information about the authors**

*Irina N. Protasova*, PhD in Psychology, Associate Professor Department of Pedagogy and Psychology, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: [protasovain@mail.ru](mailto:protasovain@mail.ru)

*Oleg A. Sychev*, PhD in Psychology, Research Associate, Department of research activities, Moscow Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: [osn1@mail.ru](mailto:osn1@mail.ru)

*Igor V. Anoshkin*, PhD in Psychology, Research Associate of Department of Social Psychology, Moscow Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9569-9584>, e-mail: [iva105@mail.ru](mailto:iva105@mail.ru)

Получена 23.03.2020  
Принята в печать 07.09.2020

Received 23.03.2020  
Accepted 07.09.2020